

16.07.03.
Новая газ. 2003 - 19-16 июля - с. 12-13.
ВРЕМЯ ЕВТУШЕНКО

На этой неделе, 18 июля, — юбилей Евгения Евтушенко. Шестидесятники переваливают семидесятилетний рубеж.

Но и столь почтенный возраст не останавливает тех, кто их ругает. Ругают уже полвека. Столько же и читают.

Однажды я поймал себя на том, что не только многочисленные наветы, но и просто резкие высказывания в адрес Евтушенко читать или слышать мне крайне неприятно. При том, что сам не раз упрекал его в длиннотах, рассчитанном на дурака разжевывании сказанного, ориентации на эстрадный успех. Это как с Россией, подумалось тогда: сам можешь бранить сколько угодно, но хочется спорить до хрипоты, если то же самое про нее говорят чужие.

В чем же причина? Уж не в строчках же самого Евтушенко: «Если будет Россия, / значит, буду и я...»?

Недавно, кажется, понял. Евгений Евтушенко со всеми своими недостатками и избытками целиком (и поступками и в том числе) принадлежит поэзии. И поэтому, когда его ниспровергают со страшноватого атомного ледокола современности, становится, как за державу, обидно за то, что ценю выше всего.

Впрочем, и самому ругать Евтушенко в последние время мне хочется все меньше. Он делает, несмотря на уже не юношеские силы, тяжелую и далеко не престижную нынче работу: отстаивает место поэзии в современном прагматичном мире, опирающемся по части эстетик и морали.

... Я выступал вместе с ним на Международном фестивале поэзии на Байкале (им же и придуманном), на международной конференции «Поэзия в журналах» в США, на давних советской литературы в Абхазии... И везде Евгений Александрович рекрутировал своим темпераментом и артистизмом сотни людей в самую дурную в мире армию любителей поэзии.

Только небольшая часть этой армии окажется 18 июля в Политехническом музее на его традиционном «деньрождественском» ве-

чере. И все равно яблоку будет негде упасть (хотя и из «ЯБЛОКА» наверняка многие придут), это можно прогнозировать без риска ошибиться.

Говорили, что популярность шестидесятников в прошлом была связана с тем, что они брали на себя функции отсутствовавшего парламента и свободной прессы. Сейчас парламента у нас имеется, свободная пресса, если вы читаете этот номер нашей газеты, тоже, а попробуйте провалиться на вечер Евтушенко в Политех...

Подозреваю, что все-таки секрет его популярности — в исповедальности: в шестидесятые она буквально ошарашивала непривычностью, а в начале XXI века по ней успели соскучиться. Слишком многие стихотворцы сейчас не открываются в своих строчках, а скрываются за ними.

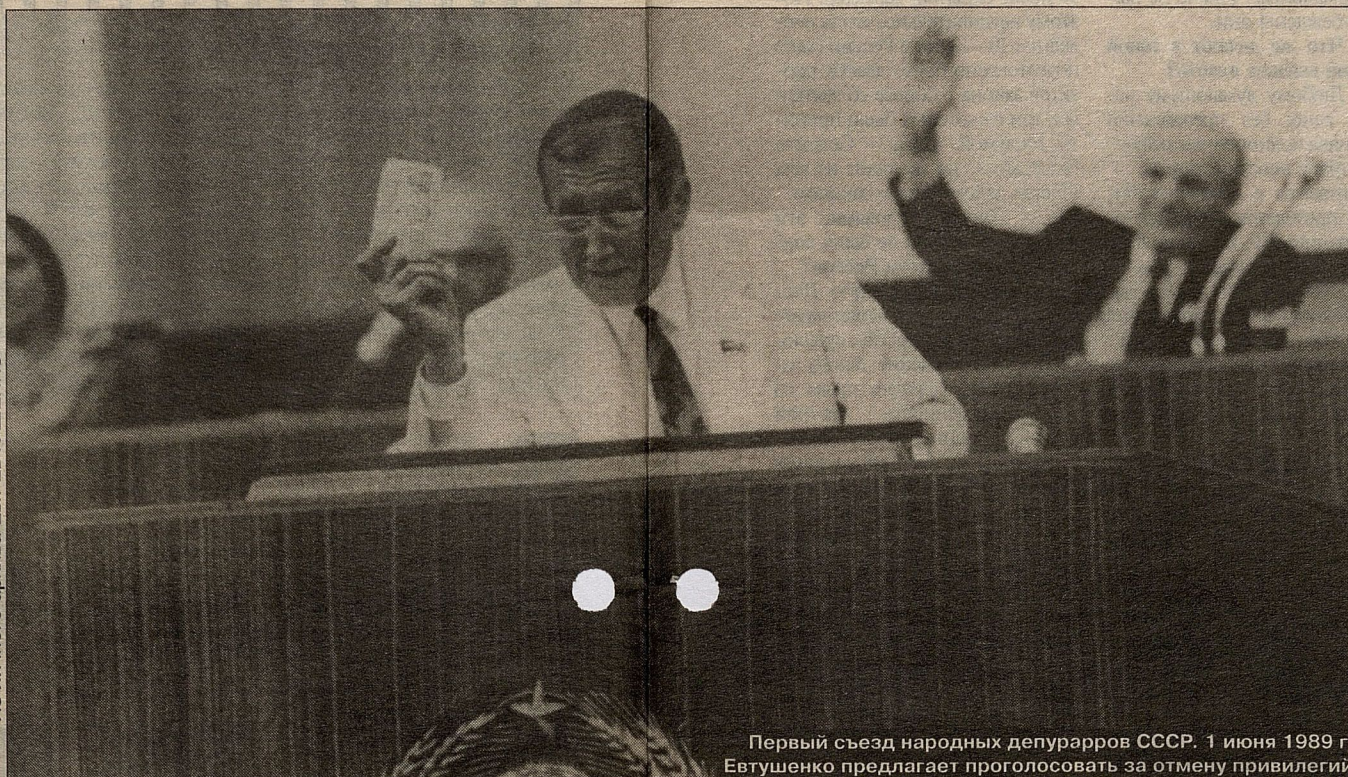
Несколько последних лет Евтушенко занят титаническим трудом: он составляет многотомную антологию русской поэзии. Всей — от «Слова о полку...» до нынешних двадцатилетних. То, что это делает именно он, закономерно — пожалуй, кроме него, в России не осталось поэтов, которые могут позвонить собрату и похвалить только что вышедшую в журнале подборку.

Кстати, этот отмеченный Евтушенко коллега в ответ только промолвит что-то невнятное, потому что звонок раздастся, скорее всего, рано утром, когда подавляющее большинство поэтов (но только не Евгений Александрович!) мирно посапывают после праведных трудов или вдохновенных возлияний. Ну а Евтушенко наверняка только что приехал откуда-нибудь, или летит куда-нибудь, или уже пишет предисловие к Пушкину, причем возможно, что и в стихах...

● Олег ХЛЕБНИКОВ

P.S. Редакция «Новой газеты» поздравляет своего автора и друга Евгения Александровича Евтушенко с днем рождения.

Желаем здоровья и — почаще встречаться (в том числе и на страницах нашей газеты).

Из личного архива Евг. Евтушенко

Первый съезд народных депутатов СССР. 1 июня 1989 г. Евтушенко предлагает проголосовать за отмену привилегий.

Между городом Да и городом Нет

Евгений ЕВТУШЕНКО
ЛЕНИНГРАДСКАЯ СИМФОНИЯ

Я не знаю, что со мною станет. Устоять бы, не сойти с ума, но во мне живет пацан со станции — самой теплой станции — Зима.

Я иду по улице Кармариусовой, но с марксизмом нынче — недород. Увязая сирота-комар за мной, а навстречу бабушка идет.

Бабушка, которой лет за семьдесят, тронула тихонько за плечо: «Женичка, на чо же ты надеешься? Я вот не надеюсь ни на чо».

Я не верю в то, что верить не во что, и внезапно вздрогнул всем нутром. Сквозь морщины проросла в ней девочка, та, что встретила я в сорок втором.

Боже мой, да это ты, рыжачонка, Жанночка, чуть-чуть воображаючка, в десять лет, как гриб-боровичок, и краснодермная ушалячка на кудряшках детских — набочок.

Безнадежно стоя за продуктами, мы хотели хлеба и тепла, но в скупой тарелке репродуктора музыку Россия подавала.

В несвободной той стране свободная, хлам барачов превращая в храм, это Ленинградская симфония донеслась сквозь все бомбежки к нам.

Ты была единственная, стоящая сменявшая мне истинной любви. Я тогда тайком под Шостаковича ткнулся носом в пальчики твои.

Помню, неразлюбленная девочка, то, что на руке твоей была белая прилипнувшая стрелочка с тех карточ, что ты перебравла.

Музыку давали не по карточкам. Нас не Сталин — Шостакович спас. Глода нас покачивал, подкашивал. Музыка кормила верой нас.

Никакой нас грязью не запачкала. Наши руки не были в крови. Дай-ка снова пошею пальчики, пальчики тяжёлые твои.

Жанночка, нам есть на что надеяться. Были и поужие времена, но Россия нигде не денется, если все поймут, что мы — она.

Бабушка, сам дедушка сегодня я, но себя мальчишкой помню так, будто Ленинградской той симфонии худенький, но вечный нотный знак...

26 мая — 27 июня 2003 г.

P.S. Каким бесценный подарок судьбы — в этом году к моему дню рождения мне довелось читать эти стихи 4 июля 2003 года в том самом зале Санкт-Петербургской филармонии, откуда Ленинградская симфония Шостаковича разнеслась в 1942 году по всему миру и была услышана на станции Зима.

Евтушенку С.Д.
ПЕДАНТИЧНАЯ СТИХИЙНОСТЬ

Евгений Евтушенко — поэт истинный. Пусть в нем мало Мопса, но зато ни капли Сальери. Он очень хорош своей искренностью, которая не боится ничего, даже презрения. Он всю жизнь нячется не столько с окружающей поэта неправдой, сколько с сознанием проблематичности собственного поэтического феномена. Поэтому так часто, так поочередно ему рукоплещут и Рим, и варвары. Оба лагеря не правы: я бы мог сказать, что прав он сам — поэт, если бы не знал за Евтушенко желания быть цельным.

Между тем он не может быть ни цельным, ни точным, ни гармоничным. Его стихи царапают и знатоков, и дилетантов. Они берут за живое не в силу неадекватности или классической формы — размера, ритма, рифмы, — они еще заране, до звуков и букв, несут в себе безнадежное и в то же время праздничное чувство утраты. Это может быть женщина («Со мною вот что происходит»), ностальгия (стихи о Всеволоде Боброве), советская история («Диспетчер света — Иза Крамер...»), это может быть коридор опоздавшего Хемингуэя, и потому такая жалкая и непобедная в ритмических конвульсиях смертельного итога.

Новая бездна открылась перед лирическим героем, который добился всего того, что для нехудожника считается счастьем. Поэзия — тщеславие и талант, которые привели к обрыву.

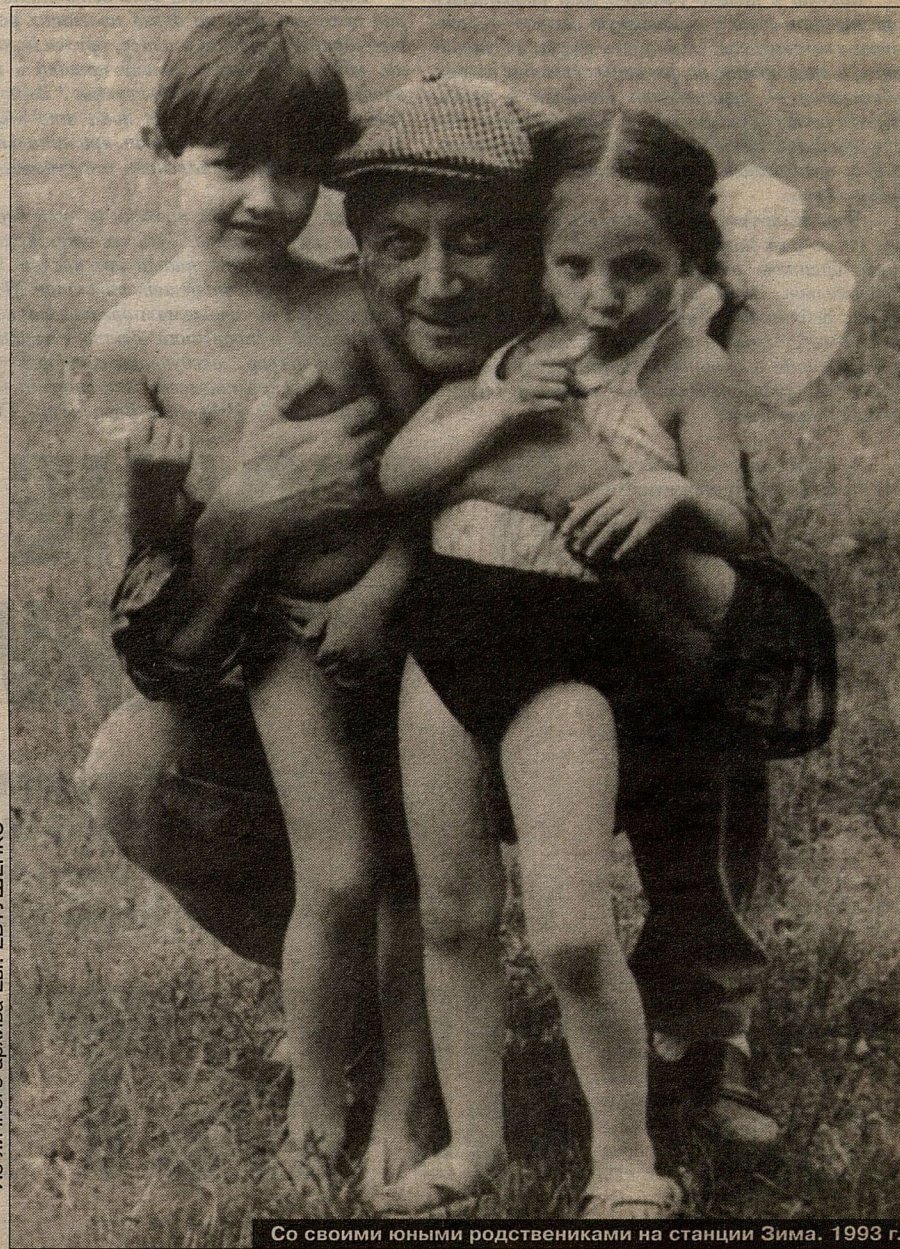
Апокалипсис — не в нем, а во времени, которое он выражает с педантичной стихийностью. Он принципиально оптимистичен и предпримчив, и эти стиховая предприимчивость и жизненный азарт еще более оттеняют высокий смысл и безнадежность его жизни.

Каждый его бессознательный, неотретированный натурой жест вызывает к нежной и естественной природе, кото-

● Евгений СИДОРОВ
1969 год.
Печатается впервые

Евгений Сидоров — критик, литературовед. Родился 11 февраля 1938 года в Свердловске. В 1961 году окончил Московский государственный университет им. Ломоносова, в 1974 году — Академию общественных наук. С 1978-го по 1992 год — первый проректор, ректор Литературного института им. Горького. С 1992-го по 1997 год — министр культуры Российской Федерации. Посол России при ЮНЕСКО в Париже с 1998-го по 2002 г.

Из личного архива Евг. Евтушенко

Со своими юными родственниками на станции Зима. 1993 г.

жившийся взвалить на себя машину эпик. А то, что Евтушенко — поэт именно такой масти, имеющий уши да слышит...

Наконец, записавшись в сибирские литературные и то и дело призываемый писательское бюро пропаганды для чтения стихов в самых разных уголках области, я оказался в Зиме — в той точке, откуда Евтушенко начинался.

Еще жив был его дядя, еще многие помнили его школьником, отчего чуть ли не через одного рекомендовались как его приятели.

Отчитав стихи, мы ныряли под крышу гостиницы, глушили себя дешевым пойлом и затем, послушные ему, мчали по Зиме, кто — за зиминскими Хлоями, кто — в дом Евтушенко.

Я (то ли из-за Хлои, то ли из-за смущения) до этого дома так ни разу и не дошел, зато один из моих коллег не только дошел, но и, побравничав в нем с евтушенковским родственником, выкрал из него почти пропавший ржавый горшок, на котором, по его воспоминаниям, должен был воевать в своем младенчестве не кто иной, как ныне известный всему миру поэт.

Какжется, я нашел минутку-другую, чтобы почти позавидовать этому, как мне тогда казалось, самому удачливому из моих коллег...

Потом по Иркутску поползали слухи, из коих следовало, что поэт такой-то держит на одном из своих стеллажей горшок, на котором восседал, будучи еще совсем несмышленым, сам Евтушенко, а чуть позже, когда мы уже стали — и физически, и группово — распадаться, сей счастливчик стал бранить Евтушенко по-чужому зря и где ни попадя.

Это вообще тенденция, моветом литературного предбанника, в котором не пролохнут от зависти, неутоленных и неутоляемых амбиций, где общее — брань в адрес тех, кто на виду, то в отличие от большинства случившихся, получилась, состоялся — не только по правде «поэкранен», но и по правде любим.

Чем более в нашем литературном предбаннике несостоявшихся, тем более в нем именно что ниспровергателей Евтушенко.

Разумеется, впереди не кто-нибудь, а стихотворец с горшком. Впереди, не боясь быть смешным, он пеража его на заветное смехе, сегодня, не страшась прозвучать неблагодарным, он метит им в того, из-под чьих помы, трепеща от восторга, некогда выкрал.

В литературе, как и в жизни, существует то, что социологи называют тол-

● Анатолий ИБЕНКО
Иркутск